

Встрѣча съ Чеховыхъмъ.

(Страничка изъ дневника Ал. Рославлева).

Это было въ тѣ дни, когда въ Художественномъ театрѣ шли репетиціи „Вишневаго сада“. Антономъ Павловичемъ ненадолго пріѣхалъ въ Москву. Я былъ совсѣмъ юношей, писалъ неумѣльные стихи и молился на Чехова... Не знаю почему такъ случилось, но какъ-то утромъ я пришелъ къ тому заключенію, что мнѣ необходимо его видѣть и узнать его сужденіе о моихъ виршахъ. Захвативъ двѣ пухлыя синія тетради съ неизъяснимымъ волненіемъ и внутренней дрожью я направился къ нему. Вотъ подъѣздъ, лѣстница и вотъ дверь. Но когда мой палецъ коснулся кнопки звонка я до того оробѣлъ, что еще секунда промедленія и я бы убѣжалъ.

Антонъ Павловичъ былъ дома. Доложили. Принялъ. Мысль, что я сейчасъ увижу живого Чехова и буду съ нимъ говорить отняла у меня всѣ мысли и всѣ слова.

Онъ встрѣтилъ меня просто, ясно и съ улыбкой. Но въ простотѣ было что то не простое, въ ясности не ясное и въ улыбкѣ не улыбочное. Его глаза такіе лучистые и углубленные скользнули по мнѣ и остановились на тетрадкахъ.

— Это, кажется стихи? — спросилъ онъ.

— Да, стихи...

Онъ взялъ тетрадки и перелисталъ.

— Вы хотите, чтобы все это я прочелъ.

О своей музѣ я былъ весьма невысокаго мнѣнія, но мнѣ стало сразу неловко; такая искренняя безнадежная покорность судьбѣ прозвучала въ его голосѣ.

— Ваше мнѣніе... началъ я.

— Я въ стихахъ мало понимаю, но если хотите, оставьте.

Мы разстались.

Зашелъ въ назначенный Антономъ Павловичемъ день. Встрѣтилъ онъ меня разсѣяннo, устало.

— За стихами? Прочелъ двѣ вещицы. Что-то есть. Не торопитесь печататься.

Помолчали секунду, двѣ, три, цѣлую вѣчность...

—Покупайте клеенчатые тетради, онѣ лучше.

На томъ наша бесѣда и кончилась.

—Что-то есть, что-то есть, мало сознавая, что говорю, повторялъ я въ безмѣрной радости. И яркій день, и колокольный звонъ, и звонки конокъ все словно поддакивало: „Что-то есть, что-то есть“.

Прошло три мѣсяца со дня смерти Чехова. Я жилъ неподалеку отъ Новодѣвичьяго монастыря и часто бывалъ на могилѣ Антона Павловича.

Помню такую сценку: пришли двѣ гимназистки, сѣли напротивъ меня на скамейку и защебетали. Обѣ съ русыми косичками и такія веселыя.

—А, ты, Муся „Припадокъ“ читала?

—Да, ужасный рассказъ. И личико омрачилось и мнѣ показалось, что потомъ, когда гимназистка снова заулыбалась, въ ея улыбка было что то по Чеховски неулыбчивое.

— Зачѣмъ эта бумажка на лампадкѣ?

Лампадка была обернута сложеннымъ въ нѣсколько разъ газетнымъ лоскутомъ. Муся встала, сняла, развернула лоскутъ и прочла:

„—Магазинъ готоваго военнаго платья“...

—Живъ ты, вѣченъ ты,—подумалось мнѣ: и на могилѣ твоей не оставила тебя твоя правда.

Александръ Рославлевъ.

